Развитие идеи Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского

Smolić, Valentina

Undergraduate thesis / Završni rad

2022

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:124587

Rights / Prava: In copyright / Zaštićeno autorskim pravom.

Download date / Datum preuzimanja: **2024-03-28**

Filozofski fakultet
Sveučilišta u Zagrebu

Repository / Repozitorij:

ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences

zir.nsk.hr

dabar
DIGITALNI AKADEMSKI ARHIVI I REPOZITORIJI

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Završni rad

Развитие идеи Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского

Development of Ivan Karamazov's Idea in F. M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"

Student: Valentina Smolić

Mentor: dr. sc. Jasmina Vojvodić, red. prof.

Akademska godina: 2021./2022.

Zagreb, rujan 2022.

Содержание

1. Введение ... 1
2. Идея, философия и Достоевский ... 3
2.1. Герой-идея и идея в творчестве Достоевского ... 3
2.1.1. Идея ... 3
2.1.2. Два условия изображения идеи ... 4
2.2. Теодицея ... 5
3. «Нет добродетели, если нет бессмертия» ... 7
3.1. *Геологический переворот* ... 7
3.2. Атеистический аморализм ... 8
4. Бунт Ивана Карамазова ... 10
4.1. Богоборчество Ивана ... 10
4.2. Страдания детей ... 10
4.3. Иван и Иов ... 12
5. Великий инквизитор ... 14
5.1. Жанр произведения *Великий инквизитор* и вековечные вопросы ... 14
5.2. Чудо, тайна и авторитет – проблема свободной воли ... 14
5.3. Иисус Христос в *Великом инквизиторе* ... 16
6. Кошмар Ивана Карамазова ... 17
6.1. Чёрт и проблема зла ... 17
6.2. Парные герои как драматизация противоречия в пространстве романа ... 18
7. Заключение ... 20
8. Список литературы ... 22
9. Sažetak ... 24
10. Životopis ... 25

1. Введение

Братья Карамазовы является последним романом Ф. М. Достоевского, в котором содержано много философских, идеологических и политических противоположностей. Творчество Достоевского – одна из вершин как русской, так и мировой литературы, а этот роман представляет собой вершину его творчества. Роман *Братья Карамазовы* является одной из пяти книг, которые входят в так называемое «пятикнижие» Достоевского. Кроме этого романа, в «пятикнижие» входят и романы *Преступление и наказание* (1866), *Идиот* (1866), *Бесы* (1872), и *Подросток* (1875), которые считаются выдающимися произведениями писателя.

В основе сюжета *Братьев Карамазовых* находится проблема отцеубийства и попытки найти настоящего убийцу Фёдора Павловича. Но, в течение романа возникают многие вопросы, связанные с религией, философией и теодицей, как и с моралью, и т. д. Иван Карамазов является одним из главных героев этого романа, который в течение сюжета пытается решить мучающую его идею. Он является одним из трёх братьев Карамазовых, у каждого из которых есть своя идея. Идею Ивана Карамазова изучали многие литературоведы, а в этой работе мы выделяем М. М. Бахтина, Й. Ужаревича (J. Užarević), Г. М. Фридлендера, С. Лудвиг (S. Ludvig), и С. Кибальника. Эта бакалаврская работа состоит из пяти глав, в которых исследуются все этапы развития идеи Ивана Карамазова в романе *Братья Карамазовы*.

Целью данной работы является изучение проблемы рационалистической теодицеи Ивана, т. е. объяснение одновременного существования добра и зла, т. е. Бога и зла в мире. Во-первых, на основе исследований теоретика М. М. Бахтина, мы укажем на некоторые основные характеристики поэтики Достоевского, т. е. мы укажем на важность идеи и полифонии для его творчества. Потом мы приведём два условия изображения идеи у Достоевского, и попытаемся объяснить, почему Иван Карамазов является человеком идеи. Во-вторых, мы попытаемся исследовать идею Ивана, содержащуюся в вопросе, если нет Бога, нет ни добродетели, и его восстание против Бога и Божьего мира из-за страданий невинных людей и особенно детей. В этой работе исследуются и вопросы свободы воли и власти, и отношение Иисуса Христа и римского католицизма, которые Иван затрагивает во главе – *Великий инквизитор.* Кроме этого, обратим внимание и на постепенное схождение с ума Ивана, и значение чёрта в его

кошмарном сне-галлюцинации. В связи с проблемой чёрта мы попытались изучить и проблему возникновения и существования зла в мире.

2. Идея, философия и Достоевский

2.1. Герой-идея и идея в творчестве Достоевского

2.1.1. Идея

Во-первых, надо сказать, что полифония является особенностью романов Достоевского: и полифония полноценных голосов внутри одного романа, и полифония идей внутри одного героя. В *Проблемах поэтики Достоевского* (2002), М. М. Бахтин утверждает, что герой Достоевского «идеологически авторитетен и самостоятелен, он воспринимается как автор собственной полновесной идеологической концепции, а не как объект завершающего художественного видения Достоевского» (2002: 9). Другими словами, герои не являются объектами авторского сознания, и их слова не являются средствами выражения идеологии автора. В связи с этим, важно подчеркнуть, что Иван Карамазов – герой-идея, который передаёт свою жизнь идее, а она «становится в нем идеей-силой, всевластно определяющей и уродующей его сознание и его жизнь. Идея ведёт самостоятельную жизнь в сознании героя: живёт, собственно, не он – живёт идея, и романист даёт не жизнеописание героя, а жизнеописание идеи в нём» (там же: 29). Идея героя становится предметом изображения, не только важнейшей чертой его личности, поэтому роман *Братья Карамазовы* распадается на несколько героев-идей, которые влияют одни на другого. У каждого из братьев есть своя идея, но ни одна из них не стала «основной» идеей. Братья представляют собой разные способы решения одной и той же проблемы.

Достоевский изображал не идеи в платоновском смысле, а «“человека в человеке”. Идея же была для него или пробным камнем для испытания человека в человеке, или формой его обнаружения, или, наконец, – и это главное – тем “медиумом”, тою средою, в которой раскрывается человеческое сознание в своей глубочайшей сущности» (там же: 40). В центре внимания для писателя – сознание и самосознание героя, его опыт мира, герой-идея неотделим от своей идеи, но она не является главным предметом изображения. Полифония обусловлена и тем, что Достоевский идею героев изображал как чужую идею, как идею не авторского, а идею чужого сознания. Иван, герой, который меня в данной работе интересует – это герой, представляющий собой атеистический и рационалистический тип мысли, который «порождён определёнными условиями исторической жизни. Рассудочный, отвлечённый строй мысли, свойственный Ивану, характерен для человека индивидуалистической эпохи, человека, у которого нарушено нормальное равновесие между умом и чувством, интеллектуальным и

нравственным началами» (Фридлендер 1982: 744). Иван гордится своим разумом, поэтому он отказывается от Божьего мира, являясь не только атеистом, а и человеком, который в течение романа колеблется между верой и неверием.

2.1.2. Два условия изображения идеи

Бахтин пишет, что существуют два условия изображения идеи, первое из которых гласит, что «человек[ом] идеи, образ которого сочетался бы с образом полноценной идеи, может быть только незавершимый и неисчерпаемый “человек в человеке”», который станет «“человеком в человеке” только войдя в чистую и незавершимую сферу идеи, то есть только став бескорыстным человеком идеи» (2002: 97). В качестве примера он приводит Ивана Карамазова, у которого есть неразрешённая, мучающая его идея. Даже старец Зосима узнаёт в Иване эту правду и говорит ему, что в сердце Ивана она не решена и мучает его, благодаря сердцу высшему, которое дал ему Бог. Ивану надо эту идею решить, так как «в этом-то разрешении мысли (идеи) вся их [героев-идей] подлинная жизнь и собственная незавершенность. Если отмыслить от них идею, в которой они живут, то их образ будет полностью разрушен» (там же: 99). Поскольку Иван не мог решить мучающую его идею, он потерял разум, которым объяснял свою идею. Исчез разум, исчезла проблема. Идею просто невозможно разделить от героя-идеи в романах Достоевского, поэтому идея Ивана не разрешается – он как человек идеи распадается. В связи с этим, важно подчеркнуть, что «по мнению Достоевского, [противоречия, на которые наталкивается его мысль] объективно неразрешимы, если оставаться в пределах того типа философской культуры, носителем которой является Иван», так как индивидуалистическая цивилизация «порождает […] холодный и отвлеченный, формально-логический тип мышления, который является ее необходимым духовным выражением и дополнением» (Фридлендер 1982: 744). Иными словами, дело не только в слабости характера и ума Ивана, но и в противоречащих внутри себя условиях эпохи.

Другое условие изображения идеи у Достоевского, по определению Бахтина, – понимание диалогической природы каждой идеи и вообще человеческой мысли. Бахтин пишет, что «[и]дея начинает жить, то есть формироваться, развиваться, находить и обновлять своё словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями» (Бахтин 2002: 99). Более того, все отрывки в романе *Братья Карамазовы*, в которых Иван объясняет свою

идею, имеют форму диалога. Его идея вступает в контакт с идеями старца Зосимы и брата Алёши, он объясняет свою идею брату Алёше через диалог Великого инквизитора и Иисуса (несмотря на то, что Христос молчит), и в диалоге с чёртом. Даже поэма *Великий инквизитор* прерывается вопросами и комментариями Алёши, который пытается понять точку зрения своего брата. Три брата представляют собой три разных взгляда на жизнь: страстный Митя, богобоязненный Алёша и образованный мыслитель Иван. Их идеи сталкиваются, влияют одна на другую и переплетаются в своих внутренних противоположностях, и в результате «религиозные персонажи умеют сомневаться в своих религиозных идеалах, а атеисты признают существование Бога, когда это необходимо. Их идеи сталкиваются, меряют друг друга не только через полемику противоположных персонажей, но и внутри себя» (Flaker 1965: 129). Диалогическая форма позволяет идее развиваться, жить своей жизнью и приобрести достоверность.

2.2. Теодицея

Важнейшие вопросы, возникающие в романе *Братья Карамазовы*, связаны с проблемой существования Бога и дьявола, т. е. с проблемой существования добра и зла в мире. Теодицея – совокупность религиозно-философских доктрин, которые пытаются оправдать Бога и примирить его благость и справедливость с тем фактом, что в мире есть зло и страдания, поэтому теодицея связывается с теологической проблемой зла. Иван в течение всего романа исследует эту проблему через полемику с другими героями, а во главе *Чёрт. Кошмар Ивана* он разговаривает даже и с чёртом, который ему даёт свой ответ на этот вопрос.

Идея Ивана, «Нет добродетели, если нет бессмертия»[1] (Достоевский 2002: 73), прямо связана с проблемой теодицеи и существования зла в мире. Суть его идеи состоит в том, что Иван не верит в существование Бога, последовательно, он не верит в бессмертие души, ни в существование добродетели, которую он связывает с Богом. Но, если Бога нет, нет ни дьявола, а если Бог есть, Ивану непонятным является вопрос почему невинные люди и дети страдают. Лейбниц утверждал, что существуют три вида зла: «метафизическое зло (несовершенство мира в целом), природное зло (страдание, вызванное болезнью или стихийными бедствиями) и нравственное зло (грех)» (Ludvig

[1] Иван Карамазов ни в какой момент не сказал: «Если нет Бога, всё позволено». Предложение «Нет добродетели, если нет бессмертия» (Достоевский 2002: 73) Иван сказал во главе *Зачем живет такой человек!*, во время разговора с старцем Зосимой, братьями и отцом.

2000: 156). Последний вид зла «Бог не хочет, а допускает из-за большего блага, приносимого существованием свободы воли, что также подразумевает злоупотребление ею» (там же). Тему свободной воли и морального зла Иван сочиняет во главе *Великий инквизитор*, а кроме этого, его мучает и вопрос, почему невинные люди и дети страдают, о чём он говорит с Алёшей во главе *Бунт*.

В романе *Братья Карамазовы* Достоевский сопоставляет два вида теодицеи: рационалистическую и мистическую. С. Лудвиг пишет, что Достоевский отвергает рационалистическую теодицею и вместо неё предлагает мистическую, а с этими двумя подходами к теодицее связывает «две противоположные группы персонажей, отрицательный полюс которых представляет Иван Карамазов (рациональная теодицея, заканчивающаяся атеизмом), а положительный полюс – Алеша и старец Зосима (мистическая теодицея, которая должна привести к принятию Божьего порядка)» (2000: 158). Через героя-идею Ивана, Достоевский занимается традиционными проблемами теодицеи, как, например, попытки оправдать существование зла в мире на основе «осанны», т. е. будущей гармонии, для которой людям надо страдать в земном мире. От этого решения Иван отказывается.

3. «Нет добродетели, если нет бессмертия»

3.1. *Геологический переворот*

Произведение Ивана, *Геологический переворот*, в романе появляется дважды – в пересказе чёрта, и в пересказе Миусова. Пётр Александрович Миусов, двоюродный брат матери Дмитрия, стал опекуном маленького Мити Карамазова, но вскоре он пристроил Митю на воспитание к родственнице и уехал за границу. В общем, эти два пересказа фундаментально отличаются друг от друга, «в последнем полностью отсутствует допущение возможности счастливого устройства человечества на основах бескорыстной любви, тогда как скептицизм на счет сущности человеческой природы, напротив, полностью торжествует» (Кузьменко 2013: 307). В монастыре Миусов пересказал мнение Ивана о существовании Бога и морали, а *Геологический переворот* он охарактеризовал как анекдот о самом Иване. По словам Миусова, Иван сказал, что если уничтожиться у человека вера в бессмертие, тогда в нём иссякнет любовь, и не будет ничего безнравственного. Другими словами, человек является моральным существом только благодаря его вере в Бога и бессмертие, а если эта вера искоренится, тогда будет всё позволено. Иван Фёдорович подтверждает слова Миусова и говорит: «Нет добродетели, если нет бессмертия» (Достоевский 2002: 73). Пересказ чёрта – версия *Геологического переворота*, написанная Иваном до их встречи. В ней Иван утверждает, что надо разрушить в человечестве идею о Боге, и тогда человек станет богочеловеком, которому возможно будет «с легким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека, если оно понадобится. Для Бога не существует закона!» (там же: 665). Если человек станет богочеловеком, ему всё будет позволено, так как Богу всё позволено, а истину каждый устроит как ему угодно.

Как уже сказано выше, Ивана в течение романа мучает его неразрешённая проблема; он больше думает о жизни и её смысле, чем участвует в реальной жизни. Вот почему можно сказать, что «Иван болен не только в конце романа, когда у него делается уже настоящая нервная горячка, но он болен с самого начала, болен с того времени, когда стали со всей ясностью перед ним мучащие его вопросы, которые ему нужно разрешить или нравственно умереть» (Булгаков 2001, эл. публ.). В уже упомянутой сцене в монастыре, в которой обсуждали статью о церковно-общественном суде, старец Зосима о сердце Ивана говорит следующее: «Идея эта еще не решена в вашем сердце и мучает его. […] В вас этот вопрос не решен, и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения...» (Достоевский 2002: 73). Возвращаясь к Бахтину и его анализу

условий изображения идеи, опять же нужно подчеркнуть, что в разрешении идеи находится вся подлинная жизнь человека идеи. Зосима надеется, что Иван преодолеет свою мысль и начнёт жить настоящей жизнью.

3.2. Атеистический аморализм

Сергей Булгаков идеи Ивана Фёдоровича характеризует как *атеистический аморализм*, прибавляя, что существуют определённые сходства основных идей Ивана и Фридриха Ницше (2001, эл. публ.). В связи с этим, он пишет, «что не только общее воззрение, ставящее “сверхчеловека” Ницше или “человекобога” Ивана “по сю сторону добра и зла” и делающее для них “все позволенным”, характерно для обоих, но также и принцип эгоизма, отрицание альтруизма, становящееся на место упраздненной морали, повторяется и здесь и там» (там же). Разрушение веры в Бога приводит к иссяканию морали человека, а неверия к эгоизму богочеловека. Иван никак не может примириться со своими вопросами – он ищет веры, но всё-таки постоянно сомневается в ней. Иногда он говорит, что нет Бога и нет бессмертия: «Нет, нету Бога» (Достоевский 2002: 139), а иногда что Бог существует: «я принимаю Бога» (там же: 241). Ивану нельзя прийти к окончательному выводу, он постоянно колеблется, так как его ум ему не позволяет верить в Бога, но его мораль не может примириться с тем, что нет добродетели без религии и существования метафизического существа. И в этом Булгаков находит сходства с Ницше и пишет: «[д]ушевная драма Фр. Ницше и Ивана Карамазова одна и та же – теория аморализма, не совмещающаяся с моральными запросами личности» (2001, эл. публ.). Трагедия Ивана состоит в том, что его сердце и его ум не могут согласиться. Ивану с этической точки зрения последствия атеизма кажутся слишком страшными, но он не может принять Бога и его мир, поэтому назвать его атеистом можно только условно.

В образе Ивана воплощена трагедия индивидуалистического сознания: «Иван – вольнодумец, атеист, отточивший свой ум в казуистических спорах. По мысли писателя, он олицетворяет пагубность рационализма, атеистического (для нигилистического) отрицания религии. […] Однако атеизм Ивана — это не научный атеизм, а неверие отчаявшегося человека» (Этов 1968: 353). Несмотря на то, что во главе *Зачем живёт такой человек!* он утверждает, что Бога нет, и, что всё позволено, когда столкнулся с последствиями своих убеждений, он стал болеть и потерял свой разум. Иван не мог примириться с фактом, что Смердяков убил отца применяя его собственную идею,

поэтому и себя он считал убийцей. Из-за этого он является хорошим примером пагубности рационализма.

Идеей Ивана Карамазова, что нет добродетели, если нет бессмертия души, занимался и французский психолог Жак Лакан, который эту идею прокомментировал следующим способом: «Совершенно очевидно, что это наивное представление, ибо мы, аналитики, прекрасно знаем, что если Бога нет, то вообще ничего больше не позволено. Невротики доказывают нам это каждый день» (1988: 128, цит. по Kibalnik 2020: 228). Продолжая эту мысль, Славой Жижек, словенский культуролог и интерпретатор Жака Лакана, об этом говорит следующее: «То, что у нас сегодня, — это субъект, который позиционирует себя как толерантный гедонист, посвятивший себя поиску счастья, но чье бессознательное является местом запретов — подавляются сами запреты, не незаконные желания или удовольствия» (Žižek и Gunjević 2012: 28, цит. по Kibalnik 2020: 230). Идея Ивана Карамазова и идея Лакана немного отличаются друг от друга. Иван считает, что если Бога нет, нет ни морали, которую он связывает с существованием Бога. Если нет морали и добродетели, человеку всё позволено, даже и убийство. Лакан пишет, что если Бога нет, тогда всё запрещено, т. е. человек должен сам для себя устанавливать правила, поскольку мораль человека не зависит от Бога. Поскольку человек должен быть нравственным сам по себе, он запрещает себе гораздо больше, чем человек, который верит в Бога. Для религиозного фундаменталиста «Бог вполне существует, он воспринимает себя как его орудие, поэтому он может делать все, что ему хочется, его поступки искуплены наперед, так как выражают божественную волю...» (там же: 231). Другими словами, верующему человеку многое позволено делать во имя Бога, потому что Бог ему это простит, в то время как у атеиста много запрет, если он хочет оставаться нравственным.

4. Бунт Ивана Карамазова

4.1. Богоборчество Ивана

Загребский исследователь Йосип Ужаревич в *Двести лет Достоевского*, в разделе *Третий в диалоге* рассматривает многие проблемы поэтики романа *Братья Карамазовы*. Для этой бакалаврской работы особенно важным является его исследование проблемы зла. Если говорить о бунте Ивана против Бога, надо сказать, что у Ивана две аргументации, одна из которых: Иван восстаёт против Бога, так как он не может познать Бога (Užarević 2021: 175). Дело в том, что Иван не принимает Божий мир, в то время как Бога принимает, как он сам сказал Алёше. Иван не отрицает Бога, он Его просто не может постичь, так как у него евклидовский ум, который не является способным разрешать такие вопросы. Он добавляет, что ни в коем случае не принимает Божий мир, и что хочет творцу возвратить билет на вход, так как цена будущей гармонии слишком высока для него. Более того, Иван Алёше говорит, что даже если параллельные линии сойдутся и он это сам увидит, он всё-таки не примет – он не может оправдать страдание неповинных людей и детей.

Здесь нужно подчеркнуть противоречие в идее Ивана: «С одной стороны, он принимает невинные детские слезы (и другие бессмысленные несправедливости в мире) как аргумент такого неприятия, а с другой стороны, исходя из позиции, что “всё дозволено”, он философски оправдывает убийство» (Užarević 2020: 404). Иван является идейным убийцей своего отца, так как его идея, что всё позволено, Смердякову дала возможность убить Фёдора Павловича. Когда он узнал, что отца убил не Дмитрий, а Смердяков, Иван не хотел этого принять, поскольку он в таком случае тоже является убийцей. Иван на самом деле и говорил, что он убил отца, и в конце романа потерял разум, что, может быть, обозначает, что он был не совсем уверен в справедливость своей идеи. Бунт Ивана можно воспринять и как «гуманизм протестующий и богоборческий, восстающий на религиозные утопии во имя ограждения людей от жестокостей исторической действительности. Это и есть “Русский Кандид” Достоевского» (Гроссман 2018: 729–730). Его богоборчество можно понять как бунт человека против Бога, или как бунт атеиста против порядка вещей в мире.

4.2. Страдания детей

Второй аргумент, касающийся бунта Ивана против Бога: «Бог создал несовершенный мир, полный несправедливости и страданий (особенно детских), из-за

чего Иван не может принять такой мир» (Užarević 2021: 175). Во главе *Бунт* Иван рассуждает о страданиях невинных детей, которые никогда не согрешили, а страдают из-за своих отцов. Ему такое рассуждение непонятно, он не может принять, что неповинный человек страдает за грехи другого или для будущей гармонии, поэтому он отрицает мир Божий. Иван перечисляет ключевые моменты, мучающей его проблемы: «познание добра и зла ведёт к страданию […]; существует диспропорция между преступлениями и наказанием за них […]; цена гармонии слишком высока […]; никто не имеет права прощать грехи другого, […] и, наконец, признает бессилие своего "эвклидовского ума" объяснить вышеизложенное» (Ludvig 2000: 159). Первый ключевой момент связан с Адамом и Евой, которыми Бог дал рай, но, они съели яблоко и так обрекли всех своих потомков на страдание. Второй ключевой момент относится к мести, которую Иван требует, но здесь возникает вопрос, кто будет мстить кого (совершать зло в ответ на причинённое зло), и кто потом будет мстить того, кто мстил другого – кажется, зло накладывается на зло, что ни в коем случае не связано с добром.

Во главе *Бунт* идея Ивана противопоставляется идее Алёши и Зосимы, в центре которой находится «онтология спасения человека, т. е. вера в бессмертие, воскрешение после смерти и понятие пасхальности, т. е. вера и особое почитание Воскресения Христова и его последующее прославление» (Бабук 2016: 32). Алёша страданию детей противопоставляет сознательную жертву Христа, неповинного человека, который страдал и умер для будущей гармонии, а в основе его жертвы – любовь к человечеству.

Истории о страданиях детей выбраны Иваном, чтобы шокировать своего брата Алёшу. Можно сказать, что «за невинную душу Алеши борются две силы – божественная сила Зосимы и дьявольская Ивана», поэтому Ивана характеризует и прилагательное *демонический* (Užarević 2021: 175). В одной из историй, рассказанных Иваном, речь идёт о русском генерале, который приказал, собакам растерзать восьмилетнего мальчика за то, что тот ранил камнем любимую собаку генерала. В конце своего рассказа Иван спросил брата, расстрелять ли генерала. Алеша ответил положительно. Следует отметить, что «обличительная сила приведенных им "фактиков" исключительно велика, и именно они придают страстность и выразительность его речи» (Этов 1968: 361). Иван в свои истории вносит собственные мнения и сомнения, он каждый из них комментирует, что-то добавляет, а всё это производит определённый эффект на слушателя. Разговор между братьями на самом деле диалогом является лишь формально, это прежде всего монолог Ивана, с помощью которого он хочет зародить

сомнение в Алёше. В этом монологе можно узнать «образец софистического манипулирующего выступления, начатого вовсе не с целью проверки истины: изощренно художественная речь Ивана, состоящая из продуманных, заготовленных картинок, сменяющих друг друга, – своего рода гимн отчаянию и ужасу» (Ткаченко 2019: 79). Кроме этого, Иван использует много других риторических фигур, чтобы воздействовать на своего брата; его цель – склонить Алёшу на свою сторону.

4.3. Иван и Иов

В статье, посвященной анализу *Братьев Карамазовых* и Иова, Ядранка Брнчич, хорватская исследовательница, занимающаяся библейской герменевтикой, приводит, что один из самых главных подтекстов романа *Братья Карамазовы* – Библия, особенно Книга Иова и история Иосифа. Первое, что стоит сказать при рассмотрении этой темы это то, что «история Иова и история Иосифа соотносятся как дополняющие друг друга: Иов сталкивается с вопросом о природе человеческих отношений с Богом, а Иосиф — о природе межличностных отношений, точнее: с проблемами в отношениях с отцом и братьями» (Brnčić 2019: 131). Эти две темы являются главными темами *Братьев Карамазовых*; проблема отношения человека и Бога мучает Ивана в течение романа, и она находится в сути его неразрешенной идеи. И в этом романе, и в Книге Иова, возникает вопрос о праведности и несправедливом страдании людей, причем нужно сказать, что «до изгнания в Вавилон праведность для еврейской общины означала полное служение заповедям Божиим, поведение в соответствии с Законом. Таким образом, оно было непосредственно связано с благочестием» (там же: 136). Такое понимание праведности связано с идеей Ивана, что нет добродетели, если нет бессмертия. Иова тревожит тот же вопрос, который тревожит и Ивана: если Бог справедлив, он наказывал бы только зло, но он наказывает и невинных людей. Иван Фёдорович никак не может примириться с тем фактом, что дети страдают, а «Иов ищет решения жизненных страданий, которые кажутся бессмысленными и противоречащими Божьей справедливости» (там же: 137).

Иов был князем кочевого племени в земле Уц, и «был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов 1:1). Но, сатана Богу сказал, что Иов любит Бога, только благодаря благами, которыми был награждён. Поэтому Бог сатане позволяет испытывать Иова, подвергая его бедствиям. Несмотря на все его страдания, Иов остался преданным Богу. Когда услышали о беде Иова, трое друзей его пришли,

чтобы утешать его и Иов прерывает своё молчание; он чувствует себя невинным и не понимает, почему страдает. Иов, как и Иван, рассуждает вопрос о страдании невинных со своими друзьями, которые пытаются доказать Иову, что Бог справедлив. Иов считает, что страдает, хотя он невиновен: «Невинен я; не хочу знать души моей, презираю жизнь мою. Все одно; поэтому я сказал, что Он губит и непорочного и виновного. Если этого поражает Он бичом вдруг, то пытке невинных посмевается» (там же: 8:21-23). И Иван, и Иов, считают, что Бог несправедлив, и приводят примеры Его несправедливости. Например, Иов о беззаконных говорит следующее: «Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки? Дети их с ними перед лицем их, и внуки их перед глазами их. Домы их безопасны от страха, и нет жезла Божия на них. Вол их оплодотворяет и не извергает…» (там же: 21:7–11). Примеры Ивана о несправедливости Бога касаются страдания детей, и он об этом говорит своему брату Алёше.

Иов является праведником, который страдает из-за испытаний Бога, но он всё-таки продолжает верить в Бога. В конце Книги Иова Бог вознаграждает Иова за его страдания: «благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние: у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц» (там же: 42:12), исцелил Он Иова от болезни и дал ему много детей. Иван Алёше говорит, что отрицает Божий мир из-за страданий детей и невинных людей, а в течение сюжета он сомневается в существовании Бога.

5. Великий инквизитор

5.1. Жанр произведения *Великий инквизитор* и вековечные вопросы

Своё произведение *Великий инквизитор* Иван определил как *поэму*, несмотря на то, что она на самом деле является текстом в тексте, т. е. вставной новеллой, которая напоминает средневековые мистерии и *видения*. Она является продолжением диалога Ивана и Алёши из главы *Бунт*, а представляет собой противопоставление двух идей – теистической и атеистической. Место действия поэмы Ивана Севилья в XVI веке, во время интенсивных инквизиционных преследований и сожжений еретиков и ведьм. В связи с этим, Великого инквизитора можно понимать как синекдоху (римо)католической церкви, которая веками пытается установить свою власть в мире, а вообще в этой поэме «Достоевский следует древнему антизападному течению русской духовности, согласно которому общая культура Западной Европы, и особенно католицизм и папство, представляют собой измену первоначальным христианским принципам» (Užarević 2020: 397). В *Великом инквизиторе* Иван говорит, что Католическая церковь для установления власти использует чудо, тайну и авторитет, и что она уже веками на стороне не Бога, а дьявола. В пустыне Христос отверг предложения дьявола, и церковь решила исправить подвиг Иисуса, чтобы сделать всех людей, не только избранных, счастливыми. Центральная тема поэмы – свобода, т. е. отношение свободы и власти (мирской и духовной).

5.2. Чудо, тайна и авторитет – проблема свободной воли

Великого инквизитора можно понять и как антикатолическое произведение, но и как произведение о манипулировании человеческими массами. Чудо, тайна и авторитет являются тремя важнейшими силами, которые народ, думая, что является свободным, добровольно принимает. Люди отдают свою свободу в руки церкви, так как сама свобода делает их несчастными. Смысл искушения Христа в пустыне «состоит в том, чтобы подготовить его физически и умственно к предстоящей трёхлетней деятельности. В этом контексте три испытания в первую очередь означают определение отношения Христа к Богу (Отцу), во имя которого Он готовится действовать» (Užarević 2020: 402–403). С другой стороны, Инквизитор это искушение понимает, как три основные вещи, которые нужны, чтобы сделать людей счастливыми. Христос не хотел купить любовь человечества хлебом, но, в то время как Инквизитор именно это делает, и по его мнению,

Иисус не принял во внимание слабых людей, которые никак сами не могут постичь Иисуса и Бога.

По мнению Инквизитора, свобода для человека мучительна – человек не знает пред кем преклонится, поэтому Христос ошибся, когда отказался от предложений дьявола. Человек не Бог и не может исполнить то, что исполнил Иисус, поэтому католические священники и церковь, по мнению Инквизитора, обращающегося Иисусу Христу «исправили подвиг твой и основали его на *чуде, тайне* и *авторитете*. […] Может быть, ты именно хочешь услышать её из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с *ним*, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с *ним*, уже восемь веков» (Достоевский 2002: 265). Только те, которые знают тайну, будут несчастными, а когда умрут, они не пойдут в рай – такая судьба и Инквизитора. Следует отметить, что в противопоставлении Иисус Христос – Великий инквизитор можно увидеть и противопоставление Христос – дьявол (который представлен Инквизитором); несмотря на сознательную жертву Инквизитора для счастья человечества, он всё-таки переменил подвиг Иисуса Христа и таким способом стал дьяволом. Кроме этого, Христос отказывается от земной власти, в то время как Инквизитор делает всё, чтобы эту власть взять.

Если говорить о связи свободы воли и зла в *Великом инквизиторе*, надо сказать, что Инквизитор свою жажду власти объясняет следующим способом: свобода, которую Христос даёт человечеству, является источником страданий и зла, поэтому человек должен быть освобожден от свободы через чудо, тайну и авторитет (Ludvig 2000: 160). Но, если возвратимся к трём видам зла (метафизическое, природное, и нравственное), тогда третье, нравственное зло, требует свободной воли, чтобы существовать. Поэтому такое объяснение подвига Инквизитора кажется только попыткой прикрыть своё неверие в Бога и человечество как любовь к человечеству. Поскольку Инквизитор разделяет людей на избранных и слабых, он отрицает завет Христа о равенстве людей, а сама идея неравенства людей является нехристианской. Великий инквизитор не верит в Бога, он «является, по горделивому выражению Ницше, антихристом […] потому, что он отрицает основной завет Христа о равном достоинстве всех людей как нравственных личностей и о любви к этим людям как носителям одного и того же божественного начала» (Булгаков 2001, эл. публ.). Каждая форма власти приводит к неравенству людей, поскольку один человек имеет власть над другим, из-за чего Христос отказался от идеи покупки человека хлебом.

5.3. Иисус Христос в *Великом инквизиторе*

Во время монолога Инквизитора Иисус Христос всё время молчит из-за двух причин: «1. Иисус уже всё сказал и не имеет права ничего добавить (правила игры уже установлены); 2. перед своей смертью Иисус передал все дело в руки Петра (папы), и с тех пор любое его дальнейшее вмешательство является излишним» (Užarević 2020: 397). В начале поэмы Инквизитор спросил Иисуса, почему Он пришёл мешать ему, если Инквизитор уже «переменил» подвиг Христа; ему даже хочется сжечь Христа на костре. Он Христа не видит как богочеловека, который должен избавить людей от страдания и зла, а как того, кто требует от человека непостигаемой свободной любви. Алёша говорит Ивану: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того» (Достоевский 2002: 269), и действительно, Иван не хотел возводить хулу на Христа, он просто не верит, что высокая идея Его приведёт людей к счастью и гармонии. Он утверждает, что это идея для избранных, и что Иисус не позаботился о слабых. В конце поэмы Иисус целует Инквизитора в губы, ничего не говоря, а Инквизитор вздрогнув, говорит, что не откажется от своей идеи, но он не сожжёт Его. В самом конце главы Алёша целует Ивана в губы – отсюда возникает параллель Иисус Христос – Великий инквизитор; Алёша – Иван.

6. Кошмар Ивана Карамазова

6.1. Чёрт и проблема зла

Одной из главных проблем Ивана является существование зла в мире, т. е. вопрос о том, как из первоначальной положительности возникло зло. Ещё во главе *Зачем живет такой человек!*, когда Иван разговаривал с Зосимой, старец ему сказал: «В вас этот вопрос не решён, и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения. […] Если [этот вопрос] не может решиться в положительную [сторону], то никогда не решится и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его» (Достоевский 2002: 73), и таким способом Достоевский вводит проблему положительного и отрицательного начал мира в свой роман. Иными словами, Зосима утверждает, «что отрицательность (зло, дьявол) есть по своей природе (и по своему определению) вторая реальность, т. е. такая реальность возможна лишь как отрицание какой-то положительности (добра, Бога)» (Užarević 2021: 173). Сравнить это можно с чертом, появившимся во главе *Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича*, когда говорит: «не я сотворял, не я и в ответе» (Достоевский 2002: 657). Значит, Бог сотворил мир, а чёрт появился как нужный минус без которого бы существовала только гармония. Без чёрта и зла не было бы никаких «происшествий», т. е. для функционирования мировой системы необходимо зло, так как без него мир был бы совершенным, что логически невозможно (совершенный мир без зла – это то же самое что и Бог).

Сам чёрт противопоставляет себе Мефистофеля, который всегда хочет зла, в то время как чёрт хотел бы стать добрым, но знает, что зло нужно существовать для мировой дисгармонии. Это традиционное решение проблемы зла – зло как необходимый противовес добру для активного, динамичного существования мира. Следовательно, «человеческое существование и развитие человечества обусловливается, в том числе, актуализацией темных побуждений, что страдания тысяч невинных людей телеологически оправдываются “осанной”, и функционируют так же, как и способ обогащения и облагораживания человеческой души» (Ludvig 2000: 160–161). В этом состоит суть проблемы Ивана – его мучает идея страдания невинных людей и детей для «осанны», поэтому он отрицает Божий мир; иногда он отрицает и Бога, а если отрицает Его, тогда отрицает и существование чёрта, и это оставляет его без ответа на вопрос откуда, на самом деле, зло. Поскольку он отрицает всё «фантастическое» и неземное, он пытается всё иррациональное толковать гиперрационально, но это оказалось невозможным.

6.2. Парные герои как драматизация противоречия в пространстве романа

Для драматизации противоречия идеи Ивана в пространстве романа выделяются два героя из романа – чёрт и Смердяков. Говоря об этом приёме Достоевского, Бахтин пишет, что «даже внутренние противоречия и внутренние этапы развития одного человека он драматизирует в пространстве, заставляя героев беседовать со своим двойником, с чёртом, со своим *alter ego*, со своей карикатурой» (2002: 36–37). Идеи у Достоевского жили не только диалогической жизнью, он даже противоположности внутри одной идеи изображал как двух героев, противоположных друг другу. Достоевский «как бы сам создаёт своих персонажей, даёт им дискутировать и полемизировать между собой, даёт им свободу мысли, вырабатывает между ними противопоставления, а сам как бы остаётся в стороне, почти никогда не высказывая “общего мнения”» (Flaker 1965: 133). Сознание героя, как уже сказано, изображал он как «чужое» сознание, а его излюбленный приём двойничества позволил ему охарактеризовать Ивана и изобразить разные стороны его личности.

Первый двойник Ивана – Смердяков, который является настоящим убийцей Фёдора Павловича. Через Смердякова раскрывается ещё одна сторона личности Ивана, оказавшегося «человеком двуличным, нравственно нечисто плотным и откровенно злым. Именно он в конечном итоге является подлинным убийцей своего отца: Смердяков – “лишь его верный Личарда”. Ни один из героев не совершает такого низкого, подлого поступка, как Иван» (Этов 1968: 352). Об этом Иван вспомнил, когда он начал посещать больного Смердякова – в ночь перед отъездом. В доме Фёдора Павловича он тихо спускался по лестнице, чтобы узнать, что делает отец, а позднее сам про себя сказал, что подлец. Смердяков Ивану говорит, что Иван, хотя и знал про убийство отца он всё-таки уехал. После первого посещения Смердякова Иван начал сомневаться в том, что Дмитрий убил отца, но он не мог принять мысль, что Смердяков убил Фёдора Павловича из-за его слов, которые Смердяков взял как одобрение.

В течение всего романа Иван твёрдо верил в то, что Дмитрий убил Фёдора Павловича, так как не хотел признать себя идейным убийцей отца. Все его сомнения подтверждает Смердяков, который подумал, что Иван на него рассчитывает. Смердяков считал себя с Иваном единомышленниками, и думал, что Иван поможет ему скрыть следы убийства. Услышав эти слова, Иван понимает, что отца убил не Дмитрий, и признаёт себя убийцей, если он дал согласие на убийство. Когда он осознал свою вину, его идея рухнула и он стал болеть.

В начале главы *Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича,* Иван не мог понять галлюцинация ли чёрт или реальность. Иван пытается уверить себя, что чёрт только его галлюцинация и постоянно это повторяет: «Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых» (Достоевский 2002: 652). Это предложение будто бы подтверждает параллель между Иваном и дьяволом, которая раскрывается в конце *Великого инквизитора*.

Иван не может принять мысль, что чёрт на самом деле реальность, так как это обозначило бы крах его идеи. Можно сказать, что «[к]ошмар Ивана и есть казнь, совершаемая им над самим собой. […] Вся речь черта выдержана в ироничном, насмешливом ключе. Сцена осмеяния героя символизирует развенчание героя и его идеи» (Кузьменко 2013: 310). Кажется, что чёрт хочет, чтобы Иван сошёл с ума, так как его метод связан с его самой большей болью – борьбой веры и неверия. Поэтому чёрт пытается доказать Ивану, что он только сон, галлюцинация. В момент, когда Иван стал верить, что чёрт только сон, чёрт это опровергает. Цель чёрта – посеять зерно веры в душу Ивана; чёрт даже говорит: «скрепя сердце исполняю моё назначение: погубить тысячи, чтобы спасся одни. Сколько, например, надо было погубить душ и опозорить честных репутаций, чтобы получить одного только праведного Иова» (Достоевский 2002: 663–664). Идея спасения одного, в то время как тысячи людей страдают полностью противопоставлена идее Ивана, которого мучает вопрос страдания для грехов других и для будущей гармонии. В конце концов, чёрт не спас Ивана – после их разговора рационалист Иван сошёл с ума.

7. Заключение

Иван Карамазов – один из трёх братьев Карамазовых в романе *Братья Карамазовы* Федора Михайловича Достоевского, у которого идея о бессмертии и добродетели, т. е. о морали человека, которая тесно связана с религией и существованием Бога. Его идея неразрывно связана с его образом, а в разрешении идеи лежит вся его подлинная жизнь – образ героя-идеи будет разрушен, если от него отнять идею. Иван – бескорыстный человек идеи, а его идея мучает его в течение всего романа. Его идея связана и с проблемой теодицеи, и поскольку он пытается понять откуда зло, и как оно возникло, если существует Бог; это он рассуждает с рационалистической точки зрения.

Первая часть его идеи – Бог не существует, а если нет Бога и бессмертия, нет ни добродетели. Нравственность человека связана с Богом, поэтому человеку всё позволено; после *Геологического переворота* человек станет богочеловеком, а поскольку Богу всё позволено, и человеку всё позволено. Иван никак не может примириться со своей идеей, он постоянно колеблется, и верит и не верит в Бога. Вторая часть его идеи – его богоборчество. Иван восстаёт против Бога, так как он не может постичь его, и ему не нужен Бог, которого не может понять. Он отрицает Божий мир, не принимая идею страдания детей и неповинных людей для будущей гармонии. Он утверждает, что цена гармонии слишком высока, а если бы Бог был добр, он наказывал бы только зло.

В *Великом инквизиторе* противопоставлены две идеи – теологическая и атеистическая. В этой главе Иван затрагивает вопросы отношения Иисуса Христа и папы, вопрос свободы и власти, и отношения между людьми, обладающими властью (например, священники), и людьми, не обладающими властью. Инквизитор говорит, что церковь использует чудо, тайну и авторитет для установления власти, чтобы и слабых, и избранных, сделать счастливыми. Слабые люди сами не могут постичь Бога, поэтому церковь «исправила» подвиг Иисуса и стала на сторону дьявола.

Во главе *Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича* речь идёт о вопросе о существовании зла, т. е. о положительном и отрицательном началах мира. Зло объясняется как вторая реальность, которая отрицает добро, и без которого на земле будет только гармония, а мир будет совершенным, что логически невозможно. Кроме этого, Достоевский драматизирует противоречивости внутри идеи Ивана в пространстве с помощью двух героев, Смердякова и чёрта. Первый двойник Ивана – Смердяков, человек, который убил их отца Фёдора Павловича. Он говорит, что Иван тоже является убийцей, так как он знал, что случится, а его отъезд для Смердякова обозначил одобрение. Второй двойник Ивана

– чёрт, и Иван никак не мог понять галлюцинация ли чёрт, или нет. Разговор между ними – борьба веры и неверия, при чем в конце этого разговора Иван почти полностью потерял разум. Такой жизнью жила идея Ивана – от рационалистического рассуждения о существовании Бога и зла, осталось только безумие.

8. Список литературы

1. Бабук, А. В. 2016. *Мотив детского страдания в контексте англикано-протестантской этики Ч. Диккенса и христологии Ф. М. Достоевского*, в: *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, № 3 (94), с. 31–34. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-detskogo-stradaniya-v-kontekste-anglikano-protestantskoy-etiki-ch-dikkensa-i-hristologii-f-m-dostoevskogo/viewer (дата обращения: 1.7.2022)

2. Бахтин, М. М. 2002. *Собрание сочинений. Том 6. Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Русские словари. Языки славянской культуры.

3. *Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета*. 1988. Перевод. Москва: Издание Московской Патриархии, с. 512–535.

4. Булгаков, С. Н. 1901. *Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип*. Режим доступа: http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html (дата обращения: 1.7.2022)

5. Гроссман, Л. 2018. *Пушкин. Достоевский. Лесков*. Москва: Альфа-книга, с. 706–736.

6. Достоевский, Ф. М. 2002. *Братья Карамазовы*. Москва: Эксмо-пресс.

7. Кузьменко, Е. О. 2013. *Место сочинений Ивана Карамазова в структуре романа «Братья Карамазовы» и их роль в реализации идейно-художественного замысла Ф. М. Достоевского*, в: *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, № 4 (120), с. 306–311. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sochineniy-ivana-karamazova-v-strukture-romana-bratya-karamazovy-i-ih-rol-v-realizatsii-ideyno-hudozhestvennogo-zamysla-f-m/viewer (дата обращения: 4.7.2022)

8. Ткаченко, О. Ю. 2019. *«Бунт» Ивана Карамазова как образец риторической аргументации*, в*: Филология: научные исследования*, № 5, с. 75-80. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/bunt-ivana-karamazova-kak-obrazets-ritoricheskoy-argumentatsii (дата обращения: 4.7.2022)

9. Фридлендер, Г. М. 1982. *Ф. М. Достоевский*. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl3/rl3-6952.htm?cmd=p (дата обращения: 30.6.2022)

10. Этов, В. И. 1968. *Достоевский. Очерк творчества*. Москва: Просвещение, 323–368.

1. Brnčić, J. 2019. *Job među „Braćom Karamazovima“*, u: Brnčić J., *Ljestve Jakovljeve. Biblijski motivi iz književnosti.* Zagreb: Naklada Breza, str. 129–149.

2. Flaker, A. 1965. *Ruski klasici 19. stoljeća*. Zagreb: Školska knjiga, str. 121-141.

3. Kibalnik, S. A. 2020. *“If there is a God, then anything is permitted” (Dostoevsky’s meta-theme in Jacques Lacan’s psychoanalytic interpretation)*, u: *Studies in East European Thought 72*, str. 227–239.

4. Ludvig, S. 2000. *Demonizam u romanu „Braća Karamazovi“ F. M. Dostojevskog*, u: *Umjetnost riječi.* Zagreb, god. XLIV, br. 2-3, str 153-177.

5. Užarević, J. 2020. *Poetika antinomija: „Braća Karamazovi“ i „Kritika čistog uma“*, u: Užarević, J., *Ruska književnost od 11. do 21. stoljeća*. Zagreb: Disput, str. 391-405.

6. Užarević, J. 2021. *Treći u dijalogu (O romanu „Braća Karamazovi“)*, u: Vojvodić, J. (ur.), *Dvjesto godina Dostoevskog*. Zagreb: Disput, str. 161-183.

9. Sažetak

Srž ideje Ivana Karamazova u romanu *Braća Karamazovi* F. M. Dostoevskoga leži u pitanju postojanja Boga. Bog bi trebao biti dobar i pravedan, a ako postoji, na svijetu ne bi trebalo biti zla. U nekim trenutcima Ivan niječe postojanje Boga, te polemizira o moralnosti i njenoj povezanosti s religijom – „ako nema besmrtnosti, nema ni vrline“ govori Ivan. U tome slučaju čovjek postaje bogočovjek kojemu je sve dopušteno. U drugim trenutcima Ivan izjavljuje da prihvaća postojanje Boga, ali ne prihvaća Božji svijet zato što pate nevini ljudi i djeca – ta se patnja može objasniti kao njihov udjel za buduću harmoniju, ali takvo objašnjenje Ivan ne prihvaća. U *Velikom inkvizitoru* Ivan kritizira Rimokatoličku crkvu – Inkvizitor obraćajući se Isusu priznaje kako je Rimokatolička crkva „ispravila“ njegovo djelo utemeljivši ga na čudu, tajni i autoritetu. U toj se poemi pojavljuju i pitanja čovjekove slobodne volje, slobode i vlasti, te odnosa Isusa Krista i pape. Kada je Smerdjakov Ivanu priznao da je ubio njihovog oca jer je prihvatio Ivanovu teoriju da je sve dozvoljeno ako nema Boga, Ivanova je ideja doživjela krah. Njegova ideja opravdava ubojstvo, ali se ubojstvo kosi s Ivanovim moralom; Ivan i sebe naziva ubojicom i gubi razum. Ivanova je ideja racionalistička, ali je za njega ona kao takva nerazrješiva, a krah ideje označava i krah Ivanova racionalizma.

Ključne riječi: Ivan Karamazov, ideja, teodiceja, *Veliki inkvizitor*, patnja, slobodna volja

Ключевые слова: Иван Карамазов, идея, теодицея, *Великий инквизитор*, страдание, свобода воли

10. Životopis

Valentina Smolić rođena je 23. siječnja 2000. godine u Novoj Gradiški. Odrasla je u Novoj Kapeli, gdje je završila osnovu školu. Od 2014. do 2018. pohađala je opću gimnaziju „Nova Gradiška“. Godine 2018. upisuje dvopredmetni studij ruskog jezika i književnosti i anglistiku na Filozofskom fakultetu u Zagrebu. Godine 2021. završila je preddiplomski studij anglistike i upisuje diplomski (nastavnički smjer).